

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія восьмой.

ДЕКАБРЬ.

№ 3.

1914.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

САМЪ И МЕРИ.
ВЪ ДЕРЕВНѢ (стих.).
НАТАША (повѣсть).
БЪГЛЕЦЪ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Дача—для склеиванія.

Я умникъ (игра).

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ! ВНИМАТЕЛЬНО ПРОЧИТАЙТЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО ВСЕ ЧИСЛА ЭТОГО ЖУРНАЛА.

ПОД НАЗВАНИЕМ

ДЕКАБРЬ

СОВЕТСКОЕ

ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ

СОДЕРЖАНИЕ:

- ОМАНЬ И МЕЛНИЦА
- ВРЕМЯ ИДЕИ (С. КОСОВ)
- НАТАША (С. КОСОВ)
- ВРЕМЯ ИДЕИ
- ТОРОПОВОМКИ
- ВЕСЕЛЫЕ ЧАСЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

3 р. 80 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на художественно-литературный журналъ для дѣтей
(7—12 ЛѢТЪ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

3 р. 80 к.

Выходить ДВА РАЗА въ мѣс. При каждомъ номерѣ приложенія. На годъ съ доставкой и пересылкой 3 р. 80 к.

Семья.

САМЪ и МЕРИ.

Было сентябрьское утро послѣ дождливой, грозовой ночи. Все дышало свѣжестью и блистало чистотой.

Лео и Мери вышли на веранду и стали глядѣть на разстилавшійся передъ ними роскошный тропическій садъ, за которымъ тянулись поля ананасовъ и какао. На леопардовой шкурѣ, разостланной на полу веранды, лежала большая собака. Мери подошла къ ней и стала гладить ее по головѣ.

Недалеко отъ веранды садовникъ негръ—Самъ подвязывалъ цвѣты и розы, поваленные проливнымъ дождемъ.

Это было на островѣ Санъ-Доминго, близъ Америки, еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Самъ родился въ Африкѣ, у себя въ деревнѣ, на берегу рѣки Замбезе, тамъ, гдѣ бродили длинноногіе розовые фламинго, приходили пить воду слоны и купались гиппопотамы. У него были жена, дочка-дѣвочка лѣтъ двухъ и маленький сынишка, который еще ползалъ. И вдругъ откуда-то приѣхали бѣлые люди, схватили всѣхъ негровъ въ этой деревнѣ, въ томъ числѣ и Сама съ его семьей, связали имъ руки и повезли ихъ на корабль въ Америку, гдѣ и продали въ разныя руки плантаторамъ. Такъ Самъ и разстался со

своей семьей. Его купилъ отецъ Лео и Мери и привезъ къ себѣ въ имѣніе на Санъ-Доминго, гдѣ сдѣлалъ его садовникомъ. Какъ разъ въ это самое утро, когда Лео и Мери стояли на верандѣ, онъ вспомнилъ о своихъ женѣ и дѣтяхъ и заплакалъ.

— „Теперь ужъ моей дочери пошелъ восьмой годъ“, подумалъ онъ,—„а сынишкѣ шестой“.

Онъ вытащилъ изъ кармана огромный красный платокъ и вытеръ имъ глаза.

— Какой нашъ Самъ сталъ въ послѣднее время угрюмый! сказалъ Лео.—А теперь, вонъ гляди, еще и плачетъ. Какой дуракъ!

— Значить, о чемъ-нибудь горюетъ, отвѣтила Мери.

— О чемъ-же ему еще горевать? Развѣ ему у насъ плохо?

— Не всѣ радуются, кому хорошо. Вотъ намъ съ тобой тоже хорошо, а мы иногда плачемъ...

— Эко ты сравнила насъ, бѣлыхъ, съ неграми!

— А что-же, развѣ и они тоже не люди? Развѣ только мы одни и чувствуемъ боль или обиду? Чувствуютъ также и они. Всѣ люди равны!

Лео съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Мери.

— Откуда это ты набралась такихъ мыслей? спросилъ онъ.—

Совѣтую тебѣ не высказывать ихъ вслухъ, да еще при неграхъ. А то я обо всемъ расскажу отцу!

Мери тоже въ свою очередь измѣрила его удивленнымъ взглядомъ и вышла изъ веранды.

— А ты позабылъ, что говорила намъ наша покойная мама? сказала она, уходя.

Лео усмѣхнулся и побѣждалъ въ садъ, къ тому мѣсту, гдѣ въ углу его, въ самой глуши, стояла лачужка Сама. Она состояла изъ маленькой комнатки съ низенькимъ потолкомъ и вся обросла вьющимися розами. Всю ея меблировку составляли кровать, табуретка и занавѣска на окнѣ. На маленькой печкѣ стояло два горшка. Самъ лично обстирывалъ себя и варилъ себѣ ѣду. Ему нравилось и въ этомъ саду, и въ этой хижинѣ, но тоска по женѣ и по дѣтямъ всѣ эти шесть лѣтъ не давала ему покоя. По временамъ, работая около цвѣтовъ, онъ оглядывался вокругъ себя съ такимъ чувствомъ, точно около него должна была быть его жена. Онъ помнилъ, какъ ее тогда продали, прямо у него на глазахъ, вмѣстѣ съ дѣтьми, какому-то плантатору, который увелъ ихъ куда-то къ себѣ. И вотъ каждый день ему казалось, что она непременно придетъ сюда, въ этотъ самый садъ, и приведетъ къ нему дѣтей. Всѣ эти шесть лѣтъ онъ обязательно ходилъ на базаръ, когда продавали негровъ, съ тайной

мыслью, не увидитъ-ли онъ среди продаваемыхъ и свою жену. Но дни проходили за днями и она на базарѣ не появлялась. И вотъ только вчера его господинъ купилъ себѣ новую негритянку для ухода за коровами. Она пришла и сказала Саму, что видѣла его жену. По крайней мѣрѣ, она описала ее такъ, что онъ понялъ, что это должна быть непременно его жена. Она сообщила ему также, что эта женщина живетъ въ забитости и въ нищетѣ, что хозяева ея безсердечны и часто ее обижаютъ. Такъ, значить, она жива? Такъ, значить, Самъ еще можетъ надеяться ее увидеть? Что, если она дѣйствительно придетъ къ нему, расскажетъ ему свое горе и приведетъ къ нему его дѣтей?

И его простому, безхитроственному уму стало казаться это возможнымъ. Но сомнѣнія вновь овладѣли его душой и на слѣдующее утро, когда дѣти вышли на веранду, онъ при взглядѣ на нихъ, вспомнилъ о своихъ дѣтяхъ, заплакалъ и вытеръ слезы большимъ краснымъ платкомъ.

— „А Саму-то у насъ живется недурно“... подумалъ Лео, проходя мимо хижины негра.

Вечеромъ къ Саму неожиданно прибѣжала Мери:

— Можно войти? спросила она.

Самъ только что приготовился ужинать. Онъ не ожидалъ прихода дѣвочки, это его смутило и

онъ вытянулся передъ ней во фронтъ.

— Милости просимъ, барышня, отвѣтилъ онъ. — Пожалуйте!..

Она вошла и оглядѣлась по сторонамъ. Самъ сѣлъ. Оба въ смущеніи не могли сказать слова.

— Я видѣла, Самъ, какъ ты сегодня плакалъ... сказала она наконецъ. — Ты утирался краснымъ платкомъ. О чемъ ты плакалъ?

Онъ улыбнулся и опустилъ глаза. Ему стало неловко.

— Благослови васъ Господь!.. сказалъ онъ.

Опять наступило молчаніе. Она смотрѣла на кипѣвшій на огнѣ горшокъ, а онъ — въ окно.

— Говори-же, о чемъ ты плакалъ? снова спросила она.

Онъ опять вытащилъ изъ кармана красный платокъ и вытеръ имъ слезы. Ей стало жаль его. Она подошла къ нему и просто, повинаясь охватившему ее чувству, поцѣловала его въ щеку. Это расстрогало его еще болѣе.

— Ахъ, барышня, сказалъ онъ. — На землѣ такъ мало нужно, чтобы изъ нея сдѣлались небеса! Спасибо вамъ за эту ласку! Такъ ласкала-бы меня и моя дочь, если бы насъ не разлучили...

— А развѣ у тебя есть дочь?

— Не знаю, есть-ли теперь; но шесть лѣтъ тому назадъ была. Она была-бы вамъ ровестницей.

Сочувствіе Мери развязало ему языкъ и онъ рассказалъ ей всю

свою исторію: какъ бѣлые ворвались къ нимъ въ деревню, какъ связали ихъ всѣхъ и повезли продавать въ Америку и какъ разлучили его потомъ съ женой и съ дѣтьми. Она слушала его съ широко открытыми глазами. Воспоминанія нахлынули на Сама и подвліяніемъ извѣстій о женѣ и ласки Мери, онъ уже не сдерживалъ себя и все говорилъ, говорилъ, говорилъ. Передъ его мысленными очами проходили одна картина за другой, ему слышались выстрѣлы бѣлыхъ людей, нападавшихъ на его деревню, онъ видѣлъ какъ они ворвались уже въ его хижину и какъ надсмѣхались надъ воплями его жены и затѣмъ, чтобы унять ее, стали ее бить. Онъ слышалъ, какъ его маленькая двухлѣтняя дочь, едва начавшая говорить, увидавъ чужихъ людей, протянула къ нему руки и закричала: папа, папа!

Мери слушала его, затаивъ дыханіе. Все, что рассказывалъ ей Самъ, было для нея ново и полно ужаса. Правда, умиравшая мать въ самую послѣднюю минуту призвала ее къ себѣ и сказала: — „Жалѣй негровъ; они такіе-же люди, какъ и мы; когда выростешь, будь для нихъ доброй хозяйкой“. И она жалѣла ихъ, она старалась заступаться за нихъ передъ братомъ и отцомъ. Но чтобы негры были такъ глубоко несчастны, чтобы надъ ними творились такіа

грубья насилія—она даже и не вообразала. И она подошла къ Саму и дрожавшими отъ волненія губами спросила:

— Значить, у тебя есть и жена, и дочь, и сынъ? И тебя съ ними насильно разлучили?

— Да, барышня... отвѣтилъ онъ угрюмо.

— И ты больше никогда не возвратишься къ себѣ на родину?

— Отъ васъ, барышня, я не уйду никогда.

Онъ взялъ ея бѣленькую ручку своей большой черной рукой и поцѣловалъ. Все то, что онъ разсказалъ ей сейчасъ, казалось ей страшнымъ сномъ. Она встряхнулась отъ него, точно пришла въ себя, и твердо сказала:

— Я должна разсказать обо всемъ папѣ!

— О, нѣтъ, нѣтъ! испугался онъ.— Не говорите, барышня, господину! Вѣдь онъ разсердится на меня за то, что я посвятилъ васъ въ свои тайны, и прикажетъ меня наказать. Развѣ я смѣю откровенничать съ вами?

И онъ сталъ упрекать себя въ болтливости. И чтобы покончить наконецъ съ этимъ тяжелымъ разговоромъ, взялъ ее за руку и вывелъ ее изъ своей сторожки. Но она усадила его на садовую скамью, вспрыгнула къ нему на колѣнку и обняла его за шею.

— Бѣдный, бѣдный, хорошій Самъ! воскликнула она.— Вѣдь если

я обо всемъ разскажу своему папѣ, то онъ пожалѣетъ тебя!

И она тоже стала плакать.

Онъ улыбнулся отъ радости, но тотчасъ-же лицо его сдѣлалось серьезнымъ. Онъ спустилъ на землю Мери и вытянулся во весь свой ростъ.

Мимо нихъ прошелъ Лео.

— Прощайте, барышня, сказалъ Самъ такимъ тономъ, точно ничего и не произошло.

— Прощай, Самъ! отвѣтила она и побѣжала къ дому.

Отецъ Лео и Мери обожалъ своихъ дѣтей и исполнялъ малѣйшія ихъ прихоти. Ему было жаль, что они такъ рано лишились матери; онъ зналъ, что не могъ замѣнить ее для нихъ собою, и потому старался окружить ихъ роскошью и множествомъ прислуги. Но зато онъ былъ до жестокости строгъ со своими неграми—рабами. Для него они были простыми машинами, не умѣвшими мыслить и и чувствовать, онъ заплатилъ за нихъ деньги и требовалъ отъ нихъ такой-же работы, какъ отъ муловъ и лошадей. Если кто-нибудь изъ нихъ дѣлалъ какую-нибудь ошибку или провинность, то онъ наказывалъ ихъ всѣхъ и былъ глупо боко убѣжденъ, что только жестокостью можно держать ихъ въ повиновеніи и заставлятъ работать. И всѣ рабы трепетали его, смотрѣли на него исподлобья и только наружно показывали

передъ нимъ свою почтительность.

— Съ тѣхъ поръ какъ умерла наша госпожа, говорили они между собой,—намъ не стало житья. Безъ нея мы пропали. Она всегда за насъ заступалась.

— Бѣдный, бѣдный, хорошій Самъ!.. — воскликнула она.

Наконецъ ихъ положеніе стало невыносимо.

— Мы нападёмъ ночью на домъ, шептались они,—и подожжемъ его со всѣхъ сторонъ. Пусть нашъ господинъ въ немъ сгоритъ. Тогда мы всѣ будемъ свободны и убѣжимъ.

Отецъ Лео и Мери чувствовалъ, что въ его усадьбѣ неблагополучно, сдѣлался подозрительнымъ и сталъ относиться къ неграмъ еще строже. Тогда чаша ихъ терпѣнія переполнилась и они рѣшили привести свой планъ въ исполненіе въ слѣдующую-же пятницу.

Когда Мери ушла отъ Сама и повстрѣчалась въ саду съ Лео, была уже пятница. Самъ о заговорѣ не зналъ ничего. Всѣ негры считали его близкимъ человѣкомъ къ семьѣ своего господина и рѣшили до поры до времени не открывать ему ничего.

„Кто знаетъ?“ думали они.— „Онъ садовникъ, и все время дѣти господина ходятъ около него... Какъ-бы онъ имъ не проболтался“!..

Но слухи о заговорѣ дошли до Сама стороной. Онъ узналъ о немъ, но не придалъ значенія этой затѣѣ.

— Они не сдѣлаютъ этого, рѣшилъ онъ.—Они такъ только грозятся!

Проводивъ Мери, Самъ вернулся къ себѣ въ хибарку, поужиналъ, помолился Богу, погасилъ огонь и легъ.

Вдругъ легкій стукъ въ дверь заставилъ его приподнять голову.

Онъ никогда не запиралъ дверь и сказалъ:—Войдите!

Въ дверь просунулась курчавая негрская голова.

— Самъ! окликнула она шепотомъ.—Дядюшка Самъ! Ты спишь?

Сегодня... Ровно въ полночь!.. Мы должны собраться около дома всѣ! Не прозѣвай!

Дверь захлопнулась и голова исчезла. Кто-то побѣжалъ мимо избушки дальше.

Самъ отлично понялъ значеніе этихъ словъ. Онъ теперь точно зналъ, что рабы-негры рѣшили привести свой заговоръ въ исполненіе,—и это возмутило его до глубины души. Но и жестокой нравъ его господина не находилъ въ его душѣ для себя оправданій. Онъ тоже не любилъ его, но самая мысль о преступленіи была противна его сердцу и онъ никогда бы не рѣшился присоединиться къ своимъ товарищамъ и идти съ ними на поджогъ. Но сообщеніе даже испугало его. Онъ представилъ себѣ пожаръ, ужасъ Лео и Мери,—и сердце его облилось кровью. Неужели должны погибнуть въ огнѣ и они?

Онъ вышелъ изъ лачуги. Была тихая ночь: пахло цвѣтами и мерцали кроткія звѣзды. Слышно было, какъ вдалекѣ плескалось море. Во всей природѣ было тихо и мирно и какъ-то даже не вѣрилось въ то, что черезъ какіе-нибудь полтора часа здѣсь должна была разыгратъ такая драма. Самъ направился по дорожкѣ къ дому. Вотъ и домъ—роскошный и громадный, весь въ цвѣтахъ и во вьющихся растеніяхъ. Всѣ въ немъ уже спятъ. Только въ одномъ

окошкѣ горитъ еще огонь. Это, должно быть, въ кабинетѣ у господина. А вотъ и окошко дѣтской.

— Барышня должна быть спасена!.. говоритъ себѣ Самъ.—Чтобы ни случилось, я спасу ее. Ее и ея братишку!.. Иначе быть не можетъ!

И полный тревоги, онъ отходить отъ дома и черезъ весь садъ направляется къ морю. Здѣсь онъ садится на песокъ, обнимаетъ колѣни и начинаетъ думать. Въ тяжкія минуты жизни онъ всегда приходитъ на берегъ моря, садится на песокъ и посылаетъ съ волнами привѣтъ своей далекой родинѣ. Ахъ, съ какимъ-бы удовольствіемъ онъ возвратился сейчасъ къ себѣ въ Африку, гдѣ нѣтъ ни рабовладѣнія, ни поджоговъ, ни мести, ни обидъ! Съ какимъ-бы наслажденіемъ онъ сѣлъ сейчасъ вотъ въ эту хозяйскую яхту, которая качается сейчасъ на привязи, и поплылъ-бы къ себѣ домой! Да не одинъ, а съ Мери. Если у него отняли его родную семью, то онъ взялъ-бы съ собою эту дѣвочку, которая въ его воображеніи похожа на ангела.

И вдругъ его глаза остановились на яхтѣ. Онъ поднялся, подошелъ къ ней, осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, что-то сообразилъ и, довольный, побрелъ обратно.

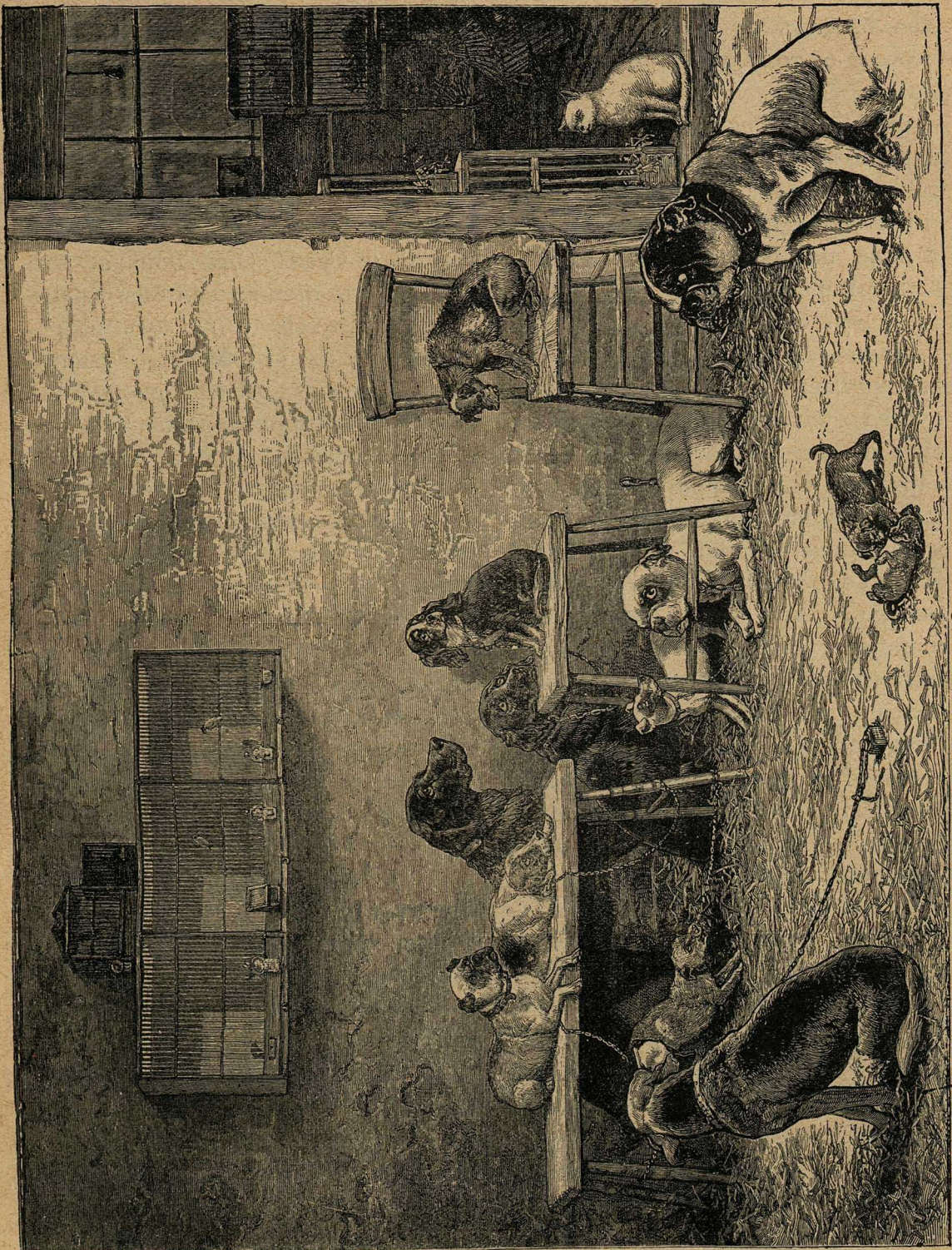
Разставшись у садовой скамьи съ Самомъ, Мери побѣжала домой. Пора была уже ложиться спать.

Первый иней.

Въ больницѣ для животныхъ.

Лео бѣжалъ за ней, полный интереса о томъ, что ей говорилъ Самъ?

— Ну, Расскажи-же, упрости-валъ онъ, ее—расскажи, о чемъ вы разговаривали?

Она вбѣжала прямо въ дѣтскую и сѣла на кровать. Онъ остано-вился передъ нею.

— Ну? спросилъ онъ.

Мери рассказала ему все. Она рассчитывала, что онъ заинтере-суется судьбой Сама и пожалѣетъ его, но онъ заложилъ руки въ карманы и притворно засмѣялся.

— Отлично придумано! воскликнулъ онъ.—Точно въ „Хижинѣ дяди Тома“! Ты читала? Эта книга только что вышла изъ печати и папа купилъ ее, прочиталъ ее мнѣ и сказалъ: „Чепуха“! Слушай больше всякую ерунду! Разжалобить всегда можно!

— Лео! воскликнула съ упрекомъ Мери.—Не будь жестокъ! Вспомни о нашей матери! Что она говорила? Нужно любить ближняго, какъ самого себя!

— Ну, и люби, если это тебѣ нравится!... А я совѣтовалъ-бы тебѣ ничего не говорить папѣ... Онъ обидится и накажетъ и Сама, и тебя. Самъ не смѣетъ смущать тебя своими жалостными выдумками!

Мери съ удивленіемъ посмотрѣла на него и смолкла. Ей уже не хотѣлось продолжать съ братомъ разговоръ. Она быстро раздѣлась,

помолилась Богу, улеглась и укрылась простынею съ головой.

— Спокойной ночи! сказала она сквозь простыню.

Онъ зашелъ за ширмочку и сталъ тоже укладываться спать.

Мери такъ и не поговорила съ папой о Самѣ. Она поняла, что Лео былъ правъ: если-бы отецъ узналъ о томъ, что Самъ разговаривалъ съ его Мери о такихъ личныхъ своихъ дѣлахъ, то онъ дѣйствительно приказалъ-бы его жестоко наказать. А она этого не хотѣла и не могла допустить.

— Пусть ихъ! шептала она у себя подъ простынею.—Боженька все видитъ и все знаетъ!.. Ему моя мамочка расскажетъ обо всемъ!

Ночь. Всѣ въ домѣ спятъ. Одинъ только отецъ Мери не спитъ. Онъ лежитъ и читаетъ книгу. Печальная свѣча горитъ около него и освѣщаетъ только его лицо и книгу. Все кругомъ, благодаря абажуру, тонетъ во мракѣ.

Тукъ-тукъ-тукъ! вдругъ кто-то стучитъ въ окно.

Господинъ вскакиваетъ и хватаетъ со стола пистолетъ.

— Кто тамъ? спрашиваетъ онъ въ испугѣ.

— Это я, Самъ... Вашъ садовникъ, господинъ!

— Что тебѣ надо? Я сейчасъ буду въ тебя стрѣлять! Какъ ты смѣешь сюда лѣзть?

— Такъ надо, господинъ... Уже полночь... Я пришелъ васъ преду-

предить. Скорѣе спасайтесь! Вотъ и лѣстница!.. Я приготовилъ ее для васъ...

— Спасаться? Отъ чего спасаться? Что ты говоришь?

— Ваши рабы возмутились противъ васъ. Сейчасъ они явятся сюда убить васъ и вашихъ дѣтей и подожгутъ домъ... Спѣшите, господинъ!.. Не теряйте ни одной минуты. Сейчасъ будетъ полночь... Я уже слышу ихъ голоса!

Господинъ быстро вскочилъ на ноги и сталъ одѣваться.

— Скорѣй! скорѣй! заговорилъ онъ и руки не слушались его и отъ страха у него стучали зубы.— Гдѣ мой сюртукъ? Гдѣ деньги? Ахъ, вотъ онъ!..

— Они уже идутъ сюда, господинъ!.. продолжалъ Самъ.— Разрѣшите мнѣ войти въ вашъ домъ и взять барышню Мери на руки!

И, не дожидаясь, когда отвѣтитъ ему господинъ, Самъ влѣзъ черезъ окошко въ кабинетъ и черезъ всѣ комнаты побѣжалъ въ дѣтскую.

Въ это время негры были уже близко.

— Смерть! смерть! кричали они. Смерть ему и его дѣтямъ! Мы отплатимъ ему за наши страданія!

Затѣмъ послышался трескъ. Это рухнули подъ напоромъ десятковъ плечъ массивныя двери въ домъ. Толпа хлынула въ комнаты и стала уничтожать все по своему пути. Начался разгромъ. Возмущенные рабы били и ломали все,

попадавшееся имъ на пути, разбивали роскошныя статуи, рвали и рѣзали дорогіе ковры и наконецъ добрались до кабинета своего господина. Они распахнули въ него дверь и ввалились въ него толпой.

— Смерть ему! кричала толпа.

Но кабинетъ оказался уже пустымъ. Только открытое въ немъ окно ясно говорило о томъ, что хозяинъ уже успѣлъ черезъ него убѣжать. Тогда толпа ворвалась въ дѣтскую, но и тамъ тоже не было уже никого: только однѣ, еще теплыя, кровати говорили о томъ, что въ нихъ только что еще спали Лео и Мери.

Тогда негры выбѣжали на дворъ и подожгли домъ со всѣхъ четырехъ сторонъ.

А въ это время маленькая группа бѣжала въ испугѣ къ берегу моря. Полный ужаса, впереди бѣжалъ Лео, за нимъ — его отецъ, а позади ихъ — Самъ съ маленькой Мери на рукахъ.

— Скорѣй! скорѣй! торопилъ хозяинъ.

Но вотъ ужъ они въ безопасности. Они сидятъ въ яхтѣ и отплыли уже отъ берега. Лео, Мери и ихъ отецъ стоятъ у борта и глядятъ на яркое зарево пожара, захватившее собою половину неба и отражающееся въ морѣ. Слышится ревъ толпы.

— Негодяи! ворчитъ господинъ.

Къ нему подходитъ Мери и обнимаетъ его за шею.

— Папа, прости ихъ! говорить она.—Помнишь, какъ мама говорила тебѣ, что-бы ты ихъ не обижалъ! Посмотри на дядю Сама!

и, какъ это часто бываетъ въ минуты крайней опасности, вся его прошедшая жизнь до мельчайшихъ подробностей вдругъ проходитъ у него передъ глазами. Смерть жены ея завѣщаніе ласково обращаться съ прислугой, за тѣмъ по-

— Я такъ рада, что ты и твои дѣти теперь у насъ!..

Мы были ласковы съ нимъ,—и вотъ онъ остался намъ вѣренъ и даже спасъ насъ отъ смерти... Прости ихъ!

Ея отецъ смотритъ на зарево пожара, потомъ на скромнаго Сама

слѣдующія строгости — все это, какъ молнія, вспыхиваетъ въ его воспоминаніи и ему становится вдругъ больно и обидно за то, что такъ неумно и неразсчитливо онъ прожилъ здѣсь свою жизнь. И, по-

дойдя къ Саму, онъ беретъ его за руку и съ грустью говорить:

— О, если-бы знать, Самъ!.. О, если-бы только знать!

— Еще не поздно, господинъ... отвѣчаетъ негръ и ставитъ па-русъ.

Яхта, какъ птица, летитъ отъ берега и скоро все скрывается изъ вида.

Раннее утро. Свѣтитъ солнце. Яхта подплываетъ къ какому-то незнакомому городу.

— Что это? спрашиваетъ господинъ. — Какой это городъ?

— Это Санъ-Діего!.. отвѣчаетъ Самъ. — Здѣсь вы уже въ безопасности, хозяинъ!

Мери опять обнимаетъ отца за шею и говоритъ:

— Папа, здѣсь жена и дѣти Сама! Ихъ купилъ какой-то плантаторъ и Самъ говорить, что ихъ можно было-бы здѣсь найти!

Отецъ не отвѣчаетъ ничего, глядитъ долго на Сама и затѣмъ одинъ уходитъ въ городъ. Онъ долго не возвращается назадъ. А когда онъ приходитъ опять къ себѣ на яхту, то лицо его сіяетъ и отъ пережитыхъ вол-

неній на немъ не остается и слѣда.

— Мери, обращается онъ къ дочери.— Возьми эту бумагу и подари ее нашему доброму, вѣрно-му Саму. Это его вольная. Онъ

Иногда они сердятся, но дѣло всегда кончается миромъ.

теперь такой-же свободный и правоспособный, какъ и мы.

А затѣмъ онъ еще больше улыбается и продолжаетъ:

— Сейчасъ придутъ сюда черная женщина и съ нею дѣвочка и мальчикъ. Это жена и дѣти

Сама. Я купилъ ихъ сейчасъ у плантатора и тоже далъ имъ свободу!

Самъ и Мери не вѣрятъ своимъ ушамъ. Неужели это правда? неужели это не сладкій сонъ, послѣ котораго всегда бываетъ неприятное пробужденіе?

Домъ и большой садъ, но уже не на Санъ-Доминго, а въ Америкѣ. Въ этомъ домѣ уже нѣтъ рабовъ, а одни только свободные. Дядя-Самъ попрежнему завѣдуетъ садомъ и разводитъ въ немъ такія розы, равныхъ которымъ нѣтъ во всемъ городѣ, а его жена Лета ведетъ въ домѣ все хозяйство. Ея сынишка Жоржъ бѣгаетъ въ шко-

лу, а дочь Фреда подружилась съ Лео и играетъ съ нимъ съ утра и до вечера. Иногда они ссорятся, но дѣло всегда кончается миромъ, такъ какъ Лео теперь держится относительно людей другого взгляда, чѣмъ прежде.

А маленькая Мери вбѣгаетъ иногда въ кухню, бросается къ тетускѣ-Летѣ на шею и весело восклицаетъ:

— Я такъ рада, что ты и твои дѣти теперь у насъ! А еще больше рада тому, что вы теперь вмѣстѣ и свободны и что у насъ въ домѣ нѣтъ больше рабовъ!

Тетушка Лета въ свою очередь обнимаетъ ее и крѣпко, крѣпко прижимаетъ ее къ себѣ.

Гальмаръ.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Разсвѣтаетъ... Смутно и дремотно.
Надъ деревней курится дымокъ...
На землѣ и избахъ, какъ полотно,
Въ сумракѣ бѣлѣтся снѣжокъ...

Занесло дороги и полянки,—
Всюду снѣгъ, какъ бѣлая парча.
Мужички налаживаютъ санки,
На лошадокъ ласково ворча...

Надо въ городъ съѣздить поскорѣе,—
День базарный, дорогъ каждый часъ.
— „Эй, Савраска, трогай веселѣ!“—
Покрестившись, крикнулъ дядя Власъ.

Тронулись обозомъ... Всѣ: и старъ и молодъ,—
Каждый снѣгу и дорогѣ радъ.
Чуть морозить... Ласковъ первый холодъ.
Мужички возжами шевелятъ...

Ф. Черновъ.

НАТАША.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Прошелъ цѣлый мѣсяць. Гриша и Наташа прижились въ усадьбѣ у Вареньки и Наденьки совсѣмъ и даже и не думали о томъ, чтобы рано или поздно имъ пришлось разставаться. Имъ казалось, что они у себя дома, и они уже строили планы и мечтали о томъ, какъ выпадетъ глубокій снѣгъ и какъ они будутъ кататься съ горы и ѣздить на салазкахъ. Въ свою очередь и всѣ въ усадьбѣ привыкли къ нимъ, и Наденькѣ и Варенькѣ теперь было-бы странно, если-бы въ домѣ не было дѣтей. Наташу полюбили всѣ. Она оказалась милымъ, привязчивымъ, веселымъ ребенкомъ. Цѣлые дни она, какъ птичка, распѣвала по всей усадьбѣ и ея тоненькій серебряный голосокъ раздавался и въ домѣ, и въ саду, и на скотномъ дворѣ. У нея уже были свои привязанности: то она выкармливала маленькаго барашка, у котораго быкъ забодалъ мать, то возилась со щенятами, то хлопотала около воробья, который случайно залетѣлъ въ баню и, ударившись грудью о стекло, больно расшибъ себѣ крыло. Со всѣми она была привѣтлива, всюду совала свой дѣтскій, любопытный носикъ и всѣмъ въ

усадьбѣ было какъ-то не по себѣ, когда она долго не являлась.

— Здравствуйте, Ефимъ Ивановичъ! всякій разъ привѣтствовала она садовника.

Онъ снималъ передъ ней шляпу, точно она была хозяйкой, и ласково и почтительно отвѣчалъ:

— Здравствуйте, барышня; здравствуйте, красавица!..

Кухарка Ариша сама выбѣгала къ ней навстрѣчу, становилась передъ ней на колѣни, чтобы удобнѣе было ее поцѣловать и приласкать, и съ жаромъ ее обнимала.

— Милая ты моя!.. Хорошая ты моя!.. повторяла она.—Ну, такъ-бы тебя и проглотила, какъ конфетку!

И каждый втайнѣ думалъ: — „Хорошо было-бы, если-бы эта дѣвочка осталась у насъ совсѣмъ“. Но всѣ знали, что письмо въ Одессу было уже послано и что со дня на день на него долженъ былъ получитья отвѣтъ. Всѣ такъ и ожидали, что Наташу возьмутъ изъ усадьбы—и Аришѣ было уже горько, что она первая настаивала на томъ, чтобы письмо было написано.

— Старая дура!.. ворчала она на себя.—Надо-же было вмѣшиваться!

Около вѣчныхъ снѣговъ.

Вечерокъ.

Вотъ теперь и плачь! Шло-бы и шло-бы дѣло, какъ шло!

Не хотѣлось и Наденькѣ, чтобы скоро пришелъ изъ Одессы отвѣтъ. Проходили дни за днями, Андрей Петровичъ все еще ничего не отвѣчалъ, и ей пріятна была эта неизвѣстность относительно Наташи и уже хотѣлось, чтобы дѣвочка осталась у нея совсѣмъ. Каждый разъ, сходя сверху въ столовую къ утреннему чаю, она еще издали приглядывалась, не лежитъ-ли на столѣ вмѣстѣ съ газетой и письмо,— и почему-то ея сердце билось. Теперь ужъ для нея было ясно, что безъ дѣвочки ей будетъ тоскливо и что если-бы ея воля, то она не отдала-бы Наташу никому. И всякій разъ, какъ письма не оказывалось вовсе, она поднимала глаза кверху и мысленно благодарила:— „Слава Богу!“

Гришка былъ всеобщимъ любимцемъ и баловнемъ. Онъ всѣхъ смѣшилъ своими выдумками и когда уходилъ иногда на станцію, чтобы показаться своему хозяину, то безъ него въ усадьбѣ чего-то не хватало и было скучно. Садовникъ Ефимъ Ивановичъ часто журилъ его, что ему нужно было бы ходить въ школу, а не болтаться безъ дѣла по усадьбѣ, но Гришина исторія, о которой знали уже въ усадьбѣ всѣ, какъ-то невольно располагала къ жалости и садовника и онъ только добродушно похлопывалъ мальчугана

по плечу и притворно-сердитымъ голосомъ говорилъ:

— Заниматься дѣломъ надо! Вотъ я тебя, паршивый мальчишка!..

— Ты-и! отвѣчалъ ему Гришка и залившись смѣхомъ или сдѣлавъ ему рожицу, убѣгалъ къ Наташѣ.

Было что-то необыкновенно нѣжное, братское, въ отношеніяхъ Гриши и Наташи. Оба сироты, оба бездомные, они какъ-то сразу и прочно сошлись, какъ-то сразу поняли другъ дружку и уже не могли обходиться одинъ безъ другого. По цѣлымъ часамъ они проводили вмѣстѣ, о чемъ-то разговаривали, что-то дѣлали, гдѣ-то ходили, или-же смѣялись безъ причины и такъ громко, что ихъ приходилось останавливать. Этотъ ихъ безпричинный смѣхъ заражалъ и всѣхъ домашнихъ и, при одномъ только взглядѣ на плутоватую рожицу Гриши, начинали смѣяться и Варенька съ Наденькой и, насмѣявшись до сыта, до слезъ, отгоняли его отъ себя прочь.

— Фу, Гришка, какой ты дуракъ! говорили онѣ. — Убирайся отсюда со своими глупостями!

Случилось событіе. Не смотря на Ноябрь и на выпавшій уже первый снѣжокъ, черная курица вывела откуда-то никому неизвѣстныхъ, самосѣдныхъ цыплятъ. Гдѣ-то въ углу сарая, подъ бороной, она нанесла яицъ и, тайно отъ всѣхъ, высидѣла ихъ. Бѣдные

цыплята ежились, подбивались отъ холода подъ мать, а она была довольна, клохтала и весело разгребала лапами снѣгъ. Конечно, появленіе въ такое неурочное время цыплятъ возбудило къ себѣ въ усадьбѣ всеобщій интересъ. Много говорили, ахали, охали, перевели насѣдку въ теплый чуланъ, накрошили для нея творогу и нарубили яицъ. Больше всѣхъ хлопотала Наташа. Она брала цыплятъ на руки, ласкала ихъ, кормила ихъ изъ рта и то и дѣло восклицала:

— Какіе славненькіе!.. Какіе хорошенькіе!

И весь тотъ день въ усадьбѣ только и были разговоры, что о цыплятахъ. Гриша тоже былъ захваченъ всеобщей волной и тоже заинтересовался ими до того, что забывалъ даже поѣсть. Но его занималъ совсѣмъ другой вопросъ.

— Тетенька, обращался онъ не разъ къ Аришѣ,—какъ это выводятся изъ яицъ цыплята? Вѣдь яйцо неживое? Разбей его—и въ немъ одинъ толькодохлый желтокъ!

И Ариша всякій разъ неизмѣнно отвѣчала:

— А ты не бей! Коли будешь бить яйца, то ничего изъ нихъ и не выведется!

Томимый жаждою узнать настоящую истину, Гришка рѣшился наконецъ обратиться за разъясненіемъ къ самой Наденькѣ.

— Барышня, спросилъ онъ, за-

крываясь отъ стыдливости рукавомъ,—будьте такія добрыя, расскажите пожалуйста, какъ это изъ яйца выводится цыпленокъ? Вѣдь яйцо не живое, околѣтое! Какъ-же въ немъ вдругъ оказывается цыпленокъ?

Наденька рассказала ему просто, какъ знала сама.

— Въ желткѣ яйца находится зародышъ, сказала она.—Его ты не можешь увидѣть въ немъ, потому что онъ тамъ не двигается и такъ малъ, что его не видно простымъ глазомъ. Когда яйцо кладутъ подъ курицу, то она грѣетъ его своимъ тѣломъ. Подъ вліяніемъ этой теплоты зародышъ въ яйцѣ развивается и изъ него дѣлается живой цыпленокъ.

— Значитъ, если грѣтъ яйцо на печкѣ, удивился Гриша,—то все равно изъ него выведется цыпленокъ?

— Да, но только теплота все время должна быть одинаковая и не меньше и не больше, какъ у курицы въ тѣлѣ.

— А у кого тѣло теплѣе: у курицы, или у человѣка?

Наденька подумала.

— Кажется, одинаковая у обоихъ... отвѣтила она и отправились по своему дѣлу.

Гриша остался одинъ и задумался.

Передъ вечеромъ онъ отпросился къ начальнику станціи и ушелъ. Почевать онъ домой не приходилъ.

Это было не похоже на него. Онъ всегда возвращался въ тотъ-же самый день. Но такъ какъ было извѣстно, куда онъ ушелъ, то о немъ не беспокоились и такъ и рѣшили, что онъ остался ночевать на станціи. Его отсутствіе сразу-же стало замѣтнымъ: безъ него стало какъ-то вдругъ тише и скучнѣе. Наташа тоже присмирѣла и усѣлась за шитье. Она обшивала куклу и дѣлала это серьезно и сосредоточенно, далеко отвѣсивъ нижнюю губу.

— Смотри, губу не пришей! шутила надъ ней Наденька.

На слѣдующее утро, сойдя внизъ, Наденька увидала на столѣ цѣлую пачку писемъ. Это ее разволновало. Дрожавшими руками она стала ихъ разбирать.

— Это—изъ Земской Управы... шептала она,— это—отъ батюшки отца Федора. Навѣрное просить газетъ... Его почеркъ... Это—счетъ отъ лавочника Зязина... Давно-бы уже пора ему уплатить, да все некогда... Но отъ кого-же это письмо?

И она оглядѣла со всѣхъ сторонъ сѣрый конвертъ, на которомъ старательнымъ почеркомъ былъ выведенъ ея адресъ. На маркѣ былъ штемпель „Одесса“.

— Это отъ него! рѣшила она.— Отъ дяди Наташиной матери!

И едва пересиливая въ себѣ волненіе, она громко закричала:

— Варя! Иди сюда скорѣй! Пришло письмо отъ него!

Варенька сбѣжала сверху и тоже разволновалась. Прибѣжала и Наташа и стала смотрѣть на письмо большими, круглыми глазами. Высунулась изъ двери горничная Паша.

— Подождите, барышня, и я послушаю! вдругъ раздался голосъ и Ариши.

И, грузная, она ввалилась въ столовую и, взявшись за край фартука, заранѣе приготовилась плакать.

Наденька распечатала письмо. Руки у нея дрожали.

„Милостивая Государыня, начала она измѣнившимся голосомъ.— Имѣю честь покорнѣйше благодарить васъ за ваше письмо съ извѣщеніемъ о смерти моей племянницы. Пошли, Господи, ей царство небесное и вѣчную память. Много она, бѣдная, страдала по причинѣ, о которой теперь уже поздно говорить. Теперь ея душевка уже успокоилась“.

Кухарка Ариша громко всхлинула черезъ носъ.

„Вы мнѣ далѣе пишете, продолжала Наденька, что послѣ покойницы осталась ея малолѣтняя дочь Наташа, которая нынѣ живетъ у васъ. Жаль бѣдную дѣвочку! Я самъ небогатъ, но, конечно, приѣму на себя долгъ позаботиться о несчастной сироткѣ. Не имѣя возможности пріѣхать за нею къ вамъ лично и въ то-же время боясь васъ обезпокоить, я долго ожидалъ,

когда кто-нибудь изъ моихъ знакомыхъ поѣдетъ изъ Одессы въ Петербургъ и на обратномъ пути, слѣдуя мимо васъ, захватить съ собою дѣвочку Наташу. Девятаго сего Ноября, со скорымъ поѣздомъ, поѣдетъ мимо вашей станціи моя дальняя родственница Настасья Никитишна Щелкунова. Она не имѣетъ времени, чтобы выйти изъ поѣзда и захватить въ вашу усадьбу. Будте любезны привезти къ означенному поѣзду и въ указанный день Наташу и передать ее съ рукъ на руки госпожѣ Щелкуновой, которой обо всемъ уже извѣстно.

„Принося вамъ затѣмъ мою вторичную благодарность за вашу истинно-христіанскую доброту, оказанную моею покойной родственницѣ и этой означенной дѣвочкѣ Наташѣ, имѣю честь быть вашъ покорный слуга Андрей Быковъ“.

Наденька окончила чтеніе и опустила руки. Въ столовой воцарилось молчаніе. Никто не рѣшался его нарушить. Слышно было, какъ шипѣлъ самоваръ, да тикали часы.

— И такъ, стало-быть, Наташа уѣдетъ!.. прервала наконецъ молчаніе Папа.

Варенька отвернулась къ окну, Наденька обняла Наташу и глубоко вздохнула; Ариша громко стала сморкаться въ передникъ: слезы такъ и катились у нея по щекамъ.

Наташа не понимала, въ чемъ дѣло, хотя и знала, что письмо и эти слезы касались именно ея,— и съ удивленіемъ и пытливо оглядывалась по сторонамъ.

— А когда эта самая-то Настасья Никитишна проѣзжаетъ мимо насъ? спросила кухарка Ариша.

Наденька взяла письмо и вновь проглядѣла его.

— Девятаго Ноября.. отвѣтила она.

— А нынче-то какое?

— Нынче восьмое, испугалась Наденька. — Нынче Михайловъ день!

— А когда поѣздъ проходить?

— Въ восемь часовъ утра!

Всѣ засуматошились, засуетились, не знали, что дѣлать. О чаѣ позабыли совсѣмъ и самоваръ такъ въ сиротствѣ и потухъ. Оставался всего только одинъ день, а надо было собрать Наташу въ далекій путь, приготовить ей бѣлье и чегонибудь ей испечь на дорогу. Чувство остраго горя какъ-то сразу отхлынуло и уступило мѣсто хлопотамъ. Застучала швейная машина, понесся паръ отъ стирки бѣлья и запахло пирожками. Кое-какъ пообѣдали, кое-какъ дождались до вечера и уложили вещи. Наденька хлопотала больше всѣхъ.

— Хоть-бы Гришка-то былъ дома! ворчала Ариша.— Хоть бы онъ помогъ! И угораздило-же его, каналью, какъ разъ не во-время убѣжать!

Наташа ходила, повѣсивъ носъ, и ее пугала мысль, что она можетъ уѣхать, такъ и не простившись съ Гришей.

— Ничего, ничего, успокаивала ее Наденька. — Онъ сейчасъ на станціи и навѣрное завтра выбѣжитъ къ поѣзду.

Наступилъ вечеръ, Наденька приказала кучеру подать завтра санки какъ можно пораньше утромъ и, управившись, всѣ собрались въ столовой и, чтобы хоть какъ нибудь сгладить тяжелое настроеніе, стали играть въ дурачки. Старались казаться веселыми, но безъ Гришки это не выходило, да и на душѣ у всѣхъ было тяжело. Часы пробили девять.

— Ну, Наташа, пора спать! сказала Наденька и крѣпко, по матерински, поцѣловала дѣвочку. — Завтра надо рано вставать!

Наташа простилась со всѣми и ушла къ себѣ. Наденька и Варенька еще долго просидѣли внизу и странное дѣло—промолчали цѣлые полтора часа. Обѣимъ было тяжело говорить.

Часы зашипѣли и пробили одиннадцать. Варенька зѣвнула.

— Пора спать!.. сказала она.

— Да, пора уже.. отвѣтила Наденька и поднялась съ мѣста.

Она сдѣлала два шага къ двери и вдругъ остановилась.

— А что, если намъ оставить Наташу у себя совсѣмъ, навсегда? сказала она.

— Теперь уже поздно! печально отвѣтила Варенька. — Объ этомъ нужно было-бы позаботиться раньше. Теперь ужъ на нее имѣеть право этотъ Андрей Ивановичъ Быковъ!.. Не нужно было-бы вовсе писать въ Одессу!..

Сестры поднялись наверхъ. Проходя мимо Наташи, онѣ остановились передъ ней и долго, молча, на нее глядѣли. Она разметалась на кровати и спала крѣпкимъ сномъ.

— Спи, моя сироточка! сказала Наденька и поцѣловала ее въ щечку. — Какая-то жизнь ожидаетъ тебя впереди?

Варенька схватила сестру за руку.

— Что-бы ни случилось, горячо сказала она,—мы никогда не должны упускать ее изъ виду. Мы должны ей помогать и впоследствии! Въ сущности говоря, она наша, и Богъ послалъ ее намъ!

Затѣмъ онѣ ушли въ свою комнату и во всемъ домѣ воцарилась тишина. Слышно было только, какъ кричалъ внизу сверчокъ, да какъ далеко, на скотномъ дворѣ, лаялъ Шарикъ.

Проснулись рано, въ седьмомъ часу, и опять засуетились. Было еще темно, горѣли лампы, но отъ начинавшагося разсвѣта уже стали сѣрѣть окна. Наскоро попили чаю и стали собираться на станцію. Наденька и Наташа были уже въ шубкахъ, сиѣшили, вся

дворня была тутъ-же, всѣ ахали, охали и, какъ водится, мѣшали одинъ другому. Въ ногахъ вертѣлся вбѣжавшій въ комнату Шарикъ.

— Да поди ты! крикнула на него Ариша и затѣмъ сдѣлавъ серьезное лицо, перекрестилась и сказала:— Ну, а теперь, по христіанскому обычаю, нужно присѣсть.

Всѣ сѣли, потомъ поднялись и стали прощаться. Затѣмъ всѣ высыпали на крыльцо. Наденька и Наташа усѣлись въ санки и, напутствуемая пожеланіями, тронулись въ путь. Лошади побѣжали бодрой рысцой, а рядомъ по пушистому снѣгу, высуня языкъ, побѣжалъ и Шарикъ. Онъ всегда бѣгалъ на станцію.

— Пиши намъ, Наташа! крикнула Варенька.

Сани миновали живую изгородь, выѣхали на дорогу и повернули направо. Усадьба скрылась изъ виду.

„Здѣсь когда-то мы нашли Наташину мать безъ чувствъ“... подумала Наденька, проѣхавъ черезъ лощинку.

А затѣмъ потянулись лѣса, бѣлая поля, деревья съ инеемъ на вѣтвяхъ.

— Эхъ, вы, милыя! кричалъ на лошадей кучеръ.

Но вотъ и станція. На всей платформѣ ни души. Наденька беретъ Наташу за руку и вводитъ въ вокзалъ. Теперь уже совсѣмъ

свѣтло, до поѣзда осталось всего только десять минутъ и какъ-то не сидится въ комнатѣ, хотя и иззябли за дорогу и слѣдовало-бы погрѣться. Тянетъ наружу.

— Ты-же, Наташа, намъ пиши! говоритъ Наденька.— Хоть ты еще и не умѣешь по письменному, но буквы уже знаешь. Такъ и пиши по печатному! Мы разберемъ!

И онѣ выходятъ на платформу. Свѣтитъ солнце и снѣжинки сверкаютъ, какъ брилліанты. Наденькѣ самой хочется сѣсть въ поѣздъ и уѣхать,— такъ хорошо и задорно въ природѣ.

Но вотъ и поѣздъ. Онъ приближается съ зажженными фонарями, которыхъ не успѣли еще потушить, и это кажется страннымъ.

— Поѣздъ остановится только на одну минуту! предупреждаетъ начальникъ станціи.

Какая жалость! Наденька обхватываетъ Наташу свободной рукой, прижимаетъ ее къ себѣ и крѣпко цѣлуетъ.

— Прощай! говоритъ она.— Быть можетъ расстаемся на вѣки!

Слезы навертываются у нея на глаза.

Поѣздъ останавливается и изъ вагона слѣшно выходитъ какая-то маленькая старушка и пугливо, боясь, какъ-бы не опоздать, оглядывается по сторонамъ. Наденька догадывается, что это Настасья Никитишна, и быстро подводитъ къ ней Наташу.

— Вы госпожа Щелкунова? спрашиваетъ она.— Это—Наташа!

Старушка беретъ Наташу за руку, уводитъ ее къ себѣ въ вагонъ и Наденька остается одна. Свиститъ оберъ-кондукторъ, ему въ отвѣтъ гудитъ локомотивъ и поѣздъ снимается съ мѣста и мчится дальше. Все проходитъ быстро, какъ во снѣ. Наденька еще

Повидимому, его удивляютъ ея слезы.

„О чемъ она плачетъ?“ думаетъ онъ.

Наденька вспоминаетъ, что Гриша такъ и не вышелъ проститься съ Наташей, и ей становится обидно. Она быстро отираетъ слезы и подходитъ къ начальнику станціи сама.

Т и ш ь.

долго смотритъ ему во слѣдъ и когда послѣдніе клубы пара разсѣиваются въ воздухъ и поѣздъ уже исчезаетъ изъ виду, она присаживается на лавочку и начинаетъ горько плакать. Ахъ, какъ-бы ей хотѣлось помчаться сейчасъ за поѣздомъ, вырвать изъ него Наташу и увезти ее обратно къ себѣ!

Мимо нея проходитъ начальникъ станціи и пытливо на нее глядитъ.

— Скажите Гришѣ, что я здѣсь! говоритъ она.— Я могла-бы сейчасъ взять его съ собой.

— У меня Гриши нѣтъ, съ удивленіемъ отвѣчаетъ начальникъ станціи.

— А гдѣ же онъ? пугается Наденька.

— Не знаю... Онъ такъ отъ васъ и не приходилъ! Уже вторую недѣлю!

Тревога наполняетъ сердце Надежки. Куда-бы могъ дѣться Гришка? Сказать-бы, онъ побѣжалъ въ гости къ батюшкѣ отцу Федору? Но это было мало вѣроятно. И ей представляется страшная картина, что Гришка могъ гдѣ-нибудь замерзнуть и теперь лежитъ окоченѣлый подъ снѣгомъ. Чувство тяжелой отвѣтственности овладѣваетъ вдругъ всѣмъ ея существомъ, но она не подаетъ въ этомъ и виду, прощается съ начальникомъ станціи и идетъ садиться въ сани.

— Господи, спаси его! шепчетъ она.—Спаси и сохрани!

Она возвращается домой и боится спросить о Гришѣ. Ее спрашиваютъ о Наташѣ, о Настасьѣ Никитишнѣ, но она отвѣчаетъ невпопадъ и боится, какъ-бы ей не задали вопроса о мальчуганѣ.

И вдругъ онъ является самъ, блѣдный, продрогшій, замѣтно исхудавшій и, замѣтивъ на столѣ позабытую отъ чая корку хлѣба, набрасывается на нее и жадно ее съѣдаетъ.

— Гриша! восклицаютъ всѣ. Что съ тобой? Гдѣ ты былъ? Отчего ты такой блѣдный и худой?

Онъ ухмыляется и утираетъ ротъ рукавомъ.

— Высиживалъ цыплятъ... отвѣчаетъ онъ.

— Гдѣ? Какъ?

Онъ конфузится и закрывшись рукавомъ еще больше, продолжаетъ:—

— Да вотъ барышня Надежда Петровна сказали тогда, что если грѣтъ яйца своимъ тѣломъ, то изъ нихъ выведутся цыплята. Вотъ я укралъ три яйца, сѣлъ на нихъ въ чуланѣ, да такъ и просидѣлъ, не вставая, цѣлые три дня!..

Всѣ такъ и прыскаютъ отъ смѣха. А кухарка Ариша подходит къ своему отыскавшемуся любимцу, загребаетъ въ горсть его ухо и начинаетъ его трепать.

— Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ! приговариваетъ она.—Я научу тебя, какъ высиживать, не спросясь, цыплятъ!

Знакомство.

Гриша вырывается отъ нея, ловитъ ея руку и подноситъ къ своимъ губамъ.

— Простите, тетенька, говоритъ онъ.— Я больше не буду никогда!

Это смягчаетъ Аришу и она ласково уводитъ его къ себѣ въ кухню.

Наденькѣ и Варенькѣ весело, но

(Продолженіе слѣдуетъ).

чувство одиночества, точно Наташа занимала собою весь ихъ домъ, камнемъ лежитъ у нихъ на сердцѣ и имъ начинаетъ казаться безъ нея какъ-то пусто и уныло и хочется помчаться за ней на крыльяхъ, догнать ее и вернуть ее къ себѣ назадъ.

М. Б—скій.

Б Ъ Г Л Е Ц Ъ .

(Разсказъ ослика).

Я родился на Кавказѣ, но дѣтства своего не помню. Мой хозяинъ обращался со мной такъ жестоко, что я даже не люблю и вспоминать о своей молодости. Вся она протекла въ трудахъ и лишеніяхъ. Хозяинъ мой былъ армянинъ и торговалъ зеленью и картошкой на базарѣ въ Тифлисѣ, куда пріѣзжалъ на мнѣ три раза въ недѣлю. Онъ такъ тяжело нагружалъ меня, что я едва имѣлъ силъ пройти двѣнадцать верстъ до города. Къ тому-же онъ садился на меня еще и самъ и при этомъ понукалъ:

— Ну, ну! поворачивайся, лѣнтяй! Даромъ только ѣшь!

Когда-же я останавливался, чтобы перевести духъ, то онъ больно билъ меня сучковатой палкой по бедрамъ и по ногамъ. Это было невыносимо.

Однажды я рѣшилъ ему отомстить.

„Подожди!, думалъ я.— И на моей улицѣ будетъ праздникъ!“

Въ одинъ день была невыносимая жара и я такъ былъ нагруженъ, что едва передвигалъ ноги. Наконецъ, мы дошли до города. Хозяинъ снялъ съ меня корзины съ зеленью и съ яйцами и мѣшки съ картошкой и все это разложилъ для продажи на землѣ. Но было еще рано и торговля была плохая. Хозяинъ сидѣлъ, сидѣлъ и затѣмъ, поручивъ наблюденіе за своими товарами и за мной своему сосѣду, ушелъ въ кабачекъ попить бузы. Сосѣдъ тоже вскорѣ побрелъ за нимъ. Я изнемогалъ отъ жажды и, увидавъ, что остался одинъ, рѣшилъ воспользоваться своимъ положеніемъ.

— Вотъ теперь-то я ужъ отомщу! обрадовался я.

И я перегрызъ веревку, за которую былъ привязанъ къ телѣгѣ, подошелъ къ корзинамъ и сталъ съ жадностью уплетать свѣжую капусту и салатъ. Наѣвшись вдоволь, я влѣзъ съ ногами въ кор-

зину съ яйцами и сталъ ихъ да-
вить.

— Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ! приговаривалъ я.—Теперь ты не будешь держать меня у себя! Я заставлю тебя продать меня кому-нибудь другому, кто подобрѣе тебя!

Въ это время выскочилъ изъ кабачка хозяинъ и съ громкими воплями бросился ко мнѣ. Схвативъ подвернувшуюся ему подъ руку дубину, онъ сталъ со злобой ударять меня ею по спинѣ. Къ нему подскочилъ его сосѣдъ и сталъ бить меня палкой съ другой стороны. Все помутилось у меня въ глазахъ. Я думалъ, что буду убитъ. Собравъ всѣ свои силы, я подскочилъ къ хозяину и больно ударилъ его задними ногами въ грудь. Онъ зашатался и упалъ на спину. Я подскочилъ къ его сосѣду и ударилъ его съ такою-же силой въ спину. Онъ закачался и упалъ прямо на лицо. Тогда я воспользовался суматохой и, задравъ хвостъ, со всѣхъ ногъ пустился бѣжать. Дорога мнѣ была знакома. Выбѣжавъ изъ города, я направился къ себѣ домой. А сзади меня раздавались голоса торговцевъ:

— Держи, держи, держи!

Я прибѣжалъ домой весь въ поту и едва стоя на ногахъ, вошелъ тайкомъ въ стойло и, какъ ни въ чемъ не бывало, принялся за ѣду.

— Стой, братцы! сказалъ одинъ изъ работниковъ моего хозяина.— Оселъ прибѣжалъ, а хозяина нѣтъ! Что-бы это могло означать?

— Должно быть, хозяинъ все продалъ, отвѣчалъ другой,— а самъ послалъ осла впередъ одного!

Они поглядѣли на меня и ушли.

Къ вечеру вернулся домой хозяинъ. Онъ собралъ вокругъ себя всю семью и всѣхъ своихъ работниковъ и рассказалъ имъ все, что случилось въ городѣ на базарѣ.

— Ничего, хозяинъ! утѣшилъ его одинъ изъ работниковъ.— Я привяжу его сейчасъ къ дереву и буду его бить такъ, что онъ долго этого не забудетъ!

И онъ пошелъ за веревкой и за плетью. Я содрогнулся. Что теперь со мной будетъ? Но замѣтивъ, что всѣ ушли вслѣдъ за нимъ, я улучилъ минуту, выбѣжалъ изъ конюшни, перепрыгнулъ черезъ заборъ и бросился бѣжать въ горы. Опасность придавала мнѣ силу. Я бѣжалъ безъ оглядки и такъ быстро, что не замѣчалъ, какъ царапали меня колючіе кустарники и какъ вѣтви шиповника хлестали меня прямо по глазамъ. Я бѣжалъ долго-долго, пока наконецъ поля и кусты не остались далеко позади меня и пока я не убѣдился окончательно, что погони за мной нѣтъ. Тогда я остановился и прислушался. Никакихъ звуковъ до меня не долетѣло. Я взобрался на вершину холма и оглядѣлся кругомъ: на далекое пространство не было видно ни души.

— Уфъ! вздохнулъ я съ облегченіемъ.—Теперь я свободенъ!

Невдалекѣ отъ меня синѣлъ дремучій, старый лѣсъ. Я вошелъ въ него и тутъ только почувствовалъ счастье настоящей свободы. Невдалекѣ отъ меня протекалъ хрустальный ручей, а подъ ногами у меня росла пышная сочная трава. Ослы не пьютъ мутной воды и, какъ и всѣ однокопытные животныя, любятъ свѣжую траву. И я побѣжалъ къ ручью, напился изъ него вдоволь и принялся за траву.

„Какое счастье!“ подумалъ я.

Въ этомъ лѣсу я прожилъ покойно цѣлые три мѣсяца и никто даже и неподозрѣвалъ, что я тамъ. Но мнѣ было скучно одному, а затѣмъ я сталъ замѣчать, что трава стала блекнуть и желтѣть и что вода въ ручьѣ стала ледяной. Наступила глубокая осень.

„Что же теперь дѣлать?“ думалъ я.— „Вѣдь такъ можно замерзнуть и погибнуть съ голода! Нѣтъ, видно придется опять возвратиться къ людямъ!“

И я рѣшилъ выйти изъ лѣса. Я прошелъ опустѣвшими уже полями верстъ двадцать и вдругъ увидаль передъ собою деревню. Отдѣльно отъ нея стоялъ хорошенькій домикъ съ фруктовымъ садикомъ, выстроенный на европейскій манеръ. У двери его сидѣла женщина и кормила куръ. Она такъ была увлечена своимъ дѣломъ, что и не замѣтила, какъ я къ ней подошелъ. Я уже соскучился по людямъ и потому зашелъ къ ней сзади и положилъ ей морду на плечо. Она испугалась и вскрикнула. Но я не принималъ морды съ ея плеча и сталъ лизать ее языкомъ въ щеку.

— Чей ты? Откуда ты? воскликнула она.— Я ни у кого здѣсь не видала такого осла, какъ ты!

А затѣмъ она подумала и продолжала:

— Если ты ничей, то я очень рада! Оставайся у меня! Ты, кажется, добрый и ласковый...

— Съ кѣмъ ты тамъ, бабушка, разговариваешь? вдругъ послышался изъ домика дѣтскій голосъ.

— Да вотъ пришелъ къ намъ чей-то осель!.. отвѣчала старушка.— Иди сюда!

На крылечко выскочилъ маль-

чикъ лѣтъ семи. Онъ былъ чисто и по европейски одѣтъ. Онъ посмотрѣлъ на меня съ боязливымъ любопытствомъ.

— Можно его погладить? спросилъ онъ.

И мальчикъ протянулъ руку и сталъ меня трепать по шеѣ. Я повернулся къ нему и положилъ морду къ нему на плечо. Это ему понравилось.

— Какой славный!.. сказалъ онъ.

— Ну, иди, Митя, въ комнату! сказала бабушка.— А то простудишься. Холодно!.. Мы поставимъ этого ослика къ себѣ въ хлѣвокъ и дадимъ ему корму. Ему будетъ у насъ и тепло и сытно. А тѣмъ временемъ, можетъ быть, найдется хозяинъ.

Старушка отвела меня въ тепленькій, уютный хлѣвокъ и дала мнѣ сѣна. Ахъ, какъ-бы я хотѣлъ, чтобы мой хозяинъ не нашелся никогда и чтобы я остался здѣсь совсѣмъ!

У этой старушки я прожилъ цѣлый годъ и былъ безконечно счастливъ. Митя сталъ моимъ хозяиномъ, кормилъ меня въ волю и катался на мнѣ по горамъ и по полямъ. Я гордился имъ и старался во всемъ ему угождать. Онъ никогда меня не билъ. Старушка вполне довѣрилась мнѣ и отпустила Митю со мной далеко.

— Ну, вотъ и слава Богу, говорила бабушка,— что у Мити есть свой осликъ! Теперь бѣдняжкѣ не скучно расти одному! А то бѣдный мальчикъ все былъ одинъ да одинъ и не съ кѣмъ ему было заняться. Горе бѣднымъ сиротамъ одинокимъ!

Я услышалъ эти слова и мнѣ стало жаль Митю. Я вспомнилъ, какъ мнѣ было тяжело одиноче-

ство, когда я скрывался въ лѣсу одинъ,—и я рѣшилъ во что-бы то ни стало найти Митѣ друга. Я присматривался къ грузинскимъ и татарскимъ ребятишкамъ, которыя жили въ сакляхъ недалеко отъ насъ, но они мнѣ не нравились. Еще въ Тифлисѣ я видалъ красивыхъ русскихъ дѣтей и желалъ, чтобы будущій другъ моего Мити былъ именно русскимъ, а не кавказцемъ. Но какъ это было сдѣлать?

— Ну, мы съ тобой поѣдемъ сегодня далеко! обратился однажды ко мнѣ Митя.—Бабушкѣ нужно купить шерсти для вязанья, а здѣсь ея не продаютъ. Поѣдемъ въ Цхели!

Цхели было большое торговое селеніе верстахъ въ восьми отъ насъ. Митя заранѣе накормилъ меня, напоилъ и сталъ собираться въ путь.

— Смотри-же, осторожниѣ! говорила ему бабушка.—Ты еще маленькій, но я вѣрю Магаркѣ. Онъ умный и вѣрный осель! Онъ не дастъ тебя въ обиду!

Магаркой они прозвали меня. Такъ звали ихъ и прежняго осла, который не задолго до моего прихода къ нимъ издохъ отъ старости. Они такъ привыкли къ нему и такъ любили его, что не хотѣли давать мнѣ другого имени.

— Магарка умный и вѣрный осель, повторила бабушка, — но будь остороженъ и ты. По дорогѣ тебя никто не обидитъ, здѣсь все люди хорошіе,—только смотри не упади!

Митя сѣлъ на меня и мы поѣхали.

Не доѣзжая версты до Цхели, мы встрѣтили похоронную процессію. Она была очень скромна:

четыре человѣка несли простой желтый гробъ и всего только одинъ мальчикъ лѣтъ семи сопровождалъ его. Онъ не плакалъ, но его глаза были красны отъ слезъ. Ясно было, что онъ наплакался уже достаточно. Отъ всей его фигурки вѣяло чѣмъ-то красивымъ и нѣжнымъ. Онъ былъ одѣтъ по европейски, хотя и очень бѣдно. и было какъ-то странно, что за гробомъ слѣдовалъ только онъ одинъ и больше никто.

— Вотъ-бы Митѣ хорошій товарищъ!—подумалъ я.

Но процессія прошла мимо насъ и мы отправились далѣе въ Цхели. Мы купили шерсти и побродили по базару, но все время маленькій незнакомецъ не выходилъ у меня изъ головы

Затѣмъ мы вернулись домой.

Дня черезъ два, когда Митя снова поѣхалъ на мнѣ кататься, я нарочно опять побѣжалъ по направленію къ Цхели.

— Быть можетъ, мы опять встрѣтимъ того мальчика!—подумалъ я.

Не доѣзжая до Цхели, я незаметно, точно нечаянно, свернулъ въ сторону. Митя этого не замѣтилъ. Я не ошибся въ своихъ расчетахъ: это была та самая дорожка, на которую третьяго дня свернула и похоронная процессія. И, дѣйствительно, скоро мы увидели сельское кладбище. И вдругъ, изъ-за его низенькой ограды до насъ донесся чей-то жалобный плачь. Я остановился. Митя прислушался.

— Тамъ кто-то плачетъ! — воскликнулъ онъ.

И соскочивъ съ меня, онъ перелѣзъ черезъ полуразрушенную ограду и скрылся. Я послѣдовалъ за нимъ и скоро нашелъ его и по-

шелъ уже рядомъ съ нимъ. Не пройдя и двадцати шаговъ, мы увидали свѣже-засыпанную могилку и на ней—кого-же? Того самаго мальчика, съ которымъ встрѣтились третьяго дня, когда ѣхали въ Цхели. Бѣдняжка, онъ лежалъ лицомъ къ землѣ и горько плакалъ.

— Чего ты плачешь?—обратился къ нему Митя.

Мальчикъ зарыдалъ еще громче.

— Почему ты здѣсь одинъ?

— Здѣсь лежитъ моя мама...— отвѣтилъ, наконецъ, мальчуганъ.

— А гдѣ твой папа?

— У меня нѣтъ папы... Теперь у меня нѣтъ никого и я одинъ!

— Гдѣ же ты живешь?

Мальчикъ показалъ рукой въ пространство.

— Тамъ!..—отвѣтилъ онъ.

— А кто тебя кормить?— продолжалъ Митя.

— Нитра...

— А гдѣ она живетъ?

— Тамъ!..— снова указалъ мальчикъ.— Мнѣ хочется кушать!..

— Такъ пойдемъ скорѣе къ этой твоей Нитрѣ! Хочешь, я тебя повезу?

Митя взялъ мальчика за руку. Онъ послушно поднялся съ могилки и послѣдовалъ за нимъ къ оградѣ. Черезъ минутку они оба уже сидѣли на мнѣ и я везъ ихъ туда, куда указывалъ нашъ новый знакомый.

Мы подѣхали къ хижинѣ, похожей на сарайчикъ.

— Нитра! Нитра!— закричалъ мальчикъ.

Изъ хижины выбѣжала съ блеяньемъ коза и легла передъ мальчикомъ на бокъ. Онъ склонился надъ ней и припалъ губами къ ея вымени. Насосавшись до-сыта мо-

лока, онъ отеръ губы рукавомъ и улыбнулся.

— Вкусно!..—сказалъ онъ.

Исполнивъ свою обязанность кормилицы, коза убѣжала. Мальчикъ поднялся и сказалъ Митѣ:

— Давай играть!

Но было уже поздно; намъ пора было домой.

— Нѣтъ, не могу...—отвѣтилъ Митя.— Мнѣ уже пора!.. Лучше въ другой разъ. А тебя какъ зовутъ?

— Давидъ...—отвѣтилъ мальчикъ.— Ты же приѣзжай ко мнѣ въ гости, а то я одинъ!

Митя сѣлъ на меня, простился съ Давидомъ и мы помчались домой. Я бѣжалъ во весь духъ. Такъ мнѣ хотѣлось, чтобы Митя разсказалъ поскорѣе обо всемъ своей бабушкѣ.

— Что вы такъ долго?—обрадовалась намъ бабушка, когда я прибѣжалъ, наконецъ, домой.

Запыхавшись, еле успѣвая говорить, Митя разсказалъ бабушкѣ все, что случилось за эти два дня: какъ мы встрѣтили около Цхели похороны, какъ за гробомъ своей матери шелъ маленькій Давидъ, какъ мы потомъ услышали его плачь на кладбищѣ и какъ побывали у него въ гостяхъ.

Старушка слушала серьезно, съ большимъ вниманіемъ, стараясь не проронить ни одного слова. А когда Митя кончилъ, она поднялась съ мѣста, положила въ сторону чулокъ и сняла очки.

— Этого такъ оставлять нельзя!—сказала она.— Мало-ли что можетъ случиться съ этимъ сироткой безъ матери! Его надо взять сюда! Кстати и тебѣ будетъ веселѣе!

Я торжествовалъ. Теперь, зна-

чить, Митя будетъ имѣть това-рища!

На слѣдующій же день бабушка наняла телѣжку и уѣхала въ Цхели. Я и Митя съ нетерпѣніемъ ожидали ея возвращенія. Какова же была наша радость, когда къ вечеру она пріѣхала вмѣстѣ съ Давидомъ и его козой Нитрой и, обратившись къ Митѣ, а потомъ ко мнѣ, — сказала:

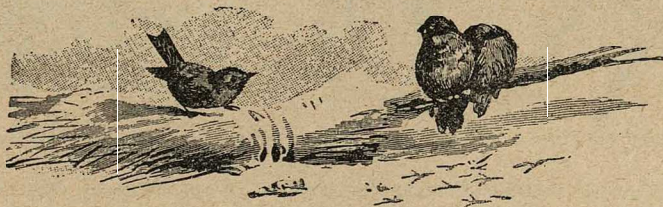
— Митя! Вотъ тебѣ братишка! Люби его и защищай: онъ моложе тебя и сирота. Магарка! Теперь ты долженъ катать на себѣ обоихъ!

Митя взвизгнулъ отъ радости, схватилъ Давида за руку и побѣжалъ показывать ему свои игрушки. Я же остался одинъ и твердо рѣшилъ исполнять въ точности приказаніе моей хозяйки.

Теперь Митѣ будетъ весело и я буду катать ихъ на своей спинѣ вдвоемъ. Отъ радости у меня замирало сердце и я прыгалъ на одномъ мѣстѣ и, высоко поднявши хвостъ, отвратительно и рѣзко кричалъ.

Но это ничего. Таковъ ужъ нашъ ослиный крикъ отъ природы.

По M-me de Ségur.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманное слово состоитъ изъ девяти буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9.

Буквы 5. 4. 3. 2 — означаютъ деревню съ церковью, 1. 9. 5. 5. 9 — мѣсто, куда уплачиваются деньги, 3. 7. 5. 7. 8. 9 — хищное пушное животное. 5. 2. 3. 2. 6. 1. 9 — сосудъ, въ которомъ держатъ соль, 2. 5. 3. 7. 8. 9 — длинноухое животное.

Отгадать всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ старинный экипажъ.

II.

Задуманы три слова, означающія:

1. То, что бываетъ темной ночью.

2. Струнный музыкальный инструментъ.

3. То, изъ чего пьютъ чай.

Взять отъ cadaго изъ этихъ словъ по послѣднему слогу и составить изъ нихъ новое слово, означающее надоедливое насѣкомое?

III.

Задуманы три слова, означающія:

1. Крытый экипажъ.

2. То, что бываетъ послѣ дождя.

3. То, что мы читаемъ каждый день.

Взять отъ cadaго изъ этихъ словъ по первому слогу и составить изъ нихъ новое слово, означающее названіе города въ Центральной Россіи.

Какой это городъ?

Ребусъ № 3.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны.)

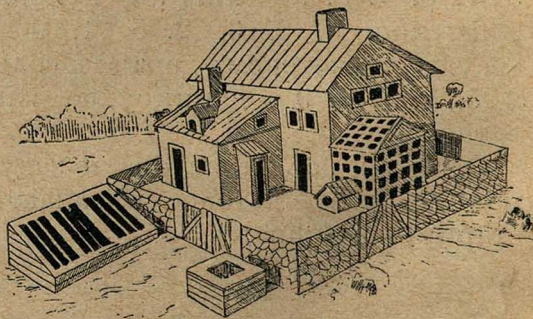
Рѣшеніе головоломокъ и ребуса, помѣщенныхъ въ № 1 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I. Свободнаго мѣста. II. Одинъ изъ нихъ взялъ яблоко вмѣстѣ съ корзиной. III. Барка, сорока, корка, рись, барбарисъ, коксъ, бобръ, собака, окорокъ. Задуманное слово — абрикосъ. IV. Отъ дерева. V. По волнамъ. VI. Молоко, перо, голова = корова. VII. Мыло, молоко, трюмо, мотигъ = локомотивъ.

Ребусъ № 1. Уста + лы + ми + нога + ми + + лошадь + е + два + ступа + ла + п + осы + + рой + до + рог + ѣ. = Усталыми ногами лошадь едва ступала по сырой дорогѣ.

Вѣрные рѣшители прислали: Сима Дубровский, Стефанія Бернштейнъ, Василій, Николай и Борисъ Громы, Володя Крестовскій, Коля Клементьевъ, Сережа Капыринъ, Надя Новитченко, Люба Карсунская-Высоцкая, Лиля Лебединская, Юрочка Пуховъ, Николай Краузь, Таня Карасева, Тамарочкина мама, Тамарочка Черткова, Женя, Люся и Сережа Мокшановы, Маруся и Германъ Тизенгаузенъ, Глупышкинъ, Колюнъ Кузнецовъ, Мотя Зайцевъ, Машенька Петрова, Коля Нѣмповъ, Надя и Ендрикъ Виноградовы, Токаревъ, Миша и Ваня Немоловскіе, Шура Гольдштейнъ, Лена, Стася и Сережа Старостины, Сашина Лиля, Веніаминъ Разинъ, Маня

и Петя Бегильдѣвы, Леонардъ, Эдгаръ и ш-ле Robin, Сережа Троицкій, Петя и Саша Новожиловы, Нина и Вади Хенкины, Вади и Зоя Баньковскіе, Володя Стеллецкій, Юсь Маленькій, Милица и Ольга Гемпель, Ал. Ал. Лебедевъ, Митя Мутьевъ, Пеля Рябцевъ, Станиславъ Маркевичъ, Волода Павловъ, Лева и Володя Эпштейнъ, Коля Бекасовъ, Кина Живилова, Леля Кузнецова и Шура Тарвидъ, Шура Поляковъ, Дима Дягилевъ, Ванда Дзвигальская, Миша Шиллингъ.

Модель приложенія къ этому номеру.

ГОТОВИТЕ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ПЕРВУЮ ГОДИШНУЮ ПОДПИСКУ

„ЗОЛОТОЕ ДЕТСТВО“

ВЫПУСК № 1

ВЫПУСК № 2

ВЫПУСК № 3

ВЫПУСК № 4

ВЫПУСК № 5

ВЫПУСК № 6

ВЫПУСК № 7

ВЫПУСК № 8

ВЫПУСК № 9

ВЫПУСК № 10

ВЫПУСК № 11

ВЫПУСК № 12

ПОДПИСАТЬСЯ МОЖНО

В НАСЛЕДУЮЩИХ МЕСТАХ:
1. В РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА
2. В ПОЧТОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ
3. В ПРОДАЖНЫХ МЕСТАХ
4. В БУДУЩИХ ПОДПИСНЫХ ОФИСАХ

ПОДПИСАТЬСЯ МОЖНО В НАСЛЕДУЮЩИХ МЕСТАХ

Годъ восьмой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходить два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24** НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 12** КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.
- 12** ИГРЪ для дѣтей.
- 24** ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, автоматы, мебель, экипажи и проч. и проч.).

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„ВЪ НЕВОЛѢ“.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26.

3 р. 80 к.

Редакторъ—Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всеми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказѣ въ переплетѣ по 45 коп. за экземпляръ и безъ переплета по 65 коп.).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровский просп., 26.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ ЛУЧШИХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПЕТРОГРАДА.